

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Э. ГАЛНАЙТИТЕ

В последние десятилетия в русском языкознании сосуществуют две точки зрения при определении общих значений видов глагола. Однако это не означает, что все разногласия вокруг этой проблемы уже разрешены. Вопрос о том, что является основным различием между глаголами совершенного и несовершенного видов, остается одним из самых спорных вопросов в аспектологии¹.

Согласно мнению большинства исследователей, положительно характеризуется лишь совершенный вид; несовершенный вид — это немаркированный член видовой оппозиции, так как он не обладает значением, свойственным совершенному виду. Поэтому, когда речь идет о семантическом содержании видов, по сути, имеется в виду грамматическое значение сов. вида. В данной статье дается краткий обзор некоторых последних работ, посвященных проблеме видов, а также делается попытка рассмотреть некоторые стороны упомянутого вопроса в несколько другом аспекте.

1. Признак предела или внутреннего предела действия?

В настоящее время значение сов. вида определяется как ограниченность действия пределом и как целостность действия. Особенно широкое распространение получило определение сущности двух видов, основанное на признаке предела действия и разработанное акад. В. В. Виноградовым в книге „Русский язык“. Согласно этой концепции общим значением сов. вида является „... ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненное мыслью о пределе процесса в целом, — основное общее значение несовершенного вида“².

Грамматическое значение сов. вида в таком понимании охватывает все глаголы сов. вида, несмотря на многообразие их лексических значений (ср.: почитать, просидеть, закупить, зашуметь, крикнуть), а значение несом.

¹ Критический обзор различных мнений по этому вопросу см.: Виноградов В. В. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972, с. 391—394; Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — „Известия АН СССР. ОЛЯ“, 1948. т. 7, вып. 4; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 30—32; Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М. 1971, с. 96—109 и др.

² Виноградов В. В. Указ. соч., с. 394.

вида – все, различные по лексическому значению, глаголы несов. вида (ср.: мечтать, трудиться, ходить, побаливать, разговаривать, приплясывать). Следовательно, эти значения являются наиболее общими, отражающими грамматическую сущность, семантическое содержание двух видов русского глагола.

Данная концепция представлена в основных вузовских учебниках по современному русскому языку³, а также в академических грамматиках русского языка⁴. Однако значение сов. вида, основным признаком которого, как подчеркивает акад. В. В. Виноградов, является „признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранимости представления о длительности действия“⁵, во многих указанных работах интерпретируется как внутренний предел действия⁶. В такой интерпретации значение сов. вида, видимо, как общепринятое, встречается в некоторых монографиях⁷. Модифицированное значение сов. вида, т.е. как ограниченность действия внутренним пределом, приводится и в тех случаях, когда дается критика концепции В. В. Виноградова⁸. Теперь уже трудно установить, где и когда произошла эта модификация (т.е. замена понятия предел – внутренним пределом), но она, на наш взгляд, сыграла отрицательную роль в решении вопроса о значениях видов и даже внесла некоторую путаницу в терминологию, применяемую в аспектологии.

Думается, что понятия „предел“ и „внутренний предел“ действия – это не одно и то же⁹. Понятие предела действия имеет более широкое значение абстрактного характера и применяется по отношению к явлениям, характеризующимся грамматической абстракцией, каким и является категория вида. Внутренний предел – это лишь частный случай проявления предела, ограниченности действия пределом. Признак внутреннего предела, на наш взгляд, характерен только для некоторой части глаголов сов. вида и прежде всего для тех, которые входят в видовые коррелятивные пары. Но этим признаком не обладают глаголы со значением действия, ограниченного временными пределами (ср.: почитать, поболеть, простоять), со значением начала действия (ср.: закричать, подуть) и некоторые другие, в лексическом значении которых отсутствует оттенок достижения внутреннего предела, „исчерпанности“ действия. Но тем не менее, все они обозначают действие, ограниченное пределом (в данном случае – временным и начальным), что свойственно и всем остальным глаголам сов. вида.

³ См.: Современный русский язык. Морфология. Под ред. акад. В. В. Виноградова. Изд-во МГУ, 1952; Современный русский язык, ч. II. Изд-во МГУ, 1964 и др.

⁴ Грамматика русского языка, т. I. АН СССР, М., 1953, с. 426; Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР, М., 1970, с. 337 (далее – Грамматика-70).

⁵ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 394.

⁶ Ср.: „Основным признаком глаголов совершенного вида является выражение внутреннего предела действия“. (Современный русский язык, ч. II, с. 143.)

⁷ См. Никитерич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963, с. 116.

⁸ См. Бондарко А. В., Буланян Л. Л. Указ. соч., с. 31.

⁹ Хотя иногда они отождествляются: „Что такое „внутренний предел“? Это – ограничение действия, сосредоточение его в каком-либо моменте его завершения. Таким моментом может быть конец (*допел, дожурил*), но может быть и начало (*запел, закурил*); может быть и соединение того и другого (*пропел, пожурил*)“ (Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М., 1963, с. 147.)

С другой стороны, признак внутреннего предела действия характерен и для некоторых глаголов несов. вида. Прежде всего — это так называемые предельные глаголы, в лексическом значении которых имеется оттенок предельности: действие, выражаемое ими, направлено к достижению предела, который в процессе развертывания действия обычно достигается. Иначе говоря, сам характер протекания действия (напр., у глаголов *строить*, *писать*, *нести*, *гореть*) как бы предсказывает достижение какой-то цели, внутренний предел этого действия.

Говоря о лексико-грамматической категории предельности/непредельности, А. В. Бондарко предельность действия раскрывает именно через понятие внутреннего предела действия. „Предельность — это наличие внутреннего предела, которого достигает или к которому стремится действие. Этот предел предполагается самой природой, характером действия“¹⁰. Но едва ли можно согласиться с автором, утверждающим, что „Предельность действия охватывает все способы действия, выступающие в обоих видах или только совершенном“¹¹ (разрядка наша — Э.Г.). Некоторые группы глаголов сов. вида (способы действия), как уже отмечалось, признаком внутреннего предела действия не характеризуются (ср.: закричать, почитать). Правда, подобного рода оговорку находим и в дальнейшем рассуждении автора: „По отношению к глаголам ограничительного (*погрустить* и т.п.) и длительно-ограничительного (*проболеть* и т.п.) способов действия приходится говорить об особом, временном характере предела“¹². Все это показывает, что в данном случае мы имеем право говорить о „сосредоточении внимания на одном из моментов процесса как его пределе“¹³.

Указанная модификация и интерпретация дефиниции В. В. Виноградова не единственная в современной аспектологии. Дело, видимо, в том, что само определение общего значения сов. вида в учении Виноградова не является монолитным. Оно базируется на признаке предела действия, который конкретизируется и дополняется другими признаками — „достижения цели“, „ограничения или устранения представления о длительности действия“¹⁴, — подчеркивающими разные стороны проявления ограниченного действия. При истолковании значения сов. вида лингвистами обычно акцентируется лишь один из упомянутых признаков, который, по мнению исследователя, наиболее ярко и четко вскрывает специфику действия, выражаемого глаголами сов. вида.

Этим, пожалуй, объясняется несколько иная интерпретация виноградовского определения общего значения сов. вида в Грамматике-70. Основное внимание здесь сосредоточено на достижении предела. Глаголы сов. вида — „это глаголы, называющие действие как достигшее своего предела“¹⁵.

¹⁰ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 28.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 394.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Грамматика-70, с. 337. Термин „достижение предела“ используется М. А. Шелякиным при оценке данного направления, восходящего к определению В. В. Виноградова, (См.: Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 15—16.)

Разумеется, в такой интерпретации данное значение не может пониматься как общее значение сов. вида. Поэтому, кроме этого значения (как основного), в Грамматике-70 выделяются „наиболее абстрактное“ значение предела действия (т.е. внутренний предел) и „менее абстрактные“, „частные“ значения (т.е. начала, законченности действия и т.п.)¹⁶. Обращает на себя внимание то, что упомянутые частные значения предела действия в дальнейшем рассматриваются как способы глагольного действия, т.е. как „семантические группировки глаголов“, которые „перекрещиваются с видами, вступая с ними во взаимодействие“¹⁷. Это показывает, что авторы Грамматики-70 недостаточно четко и последовательно разграничивают видовые, грамматические значения и деривационные значения лексико-семантических групп глаголов, образованных при помощи соответствующих приставок и суффиксов. Указанная непоследовательность еще в большей степени бросается в глаза по той причине, что все эти группировки глаголов рассматриваются и в разделе „Словообразование“¹⁸. Отсюда следует, что упомянутые значения являются деривационными значениями словообразовательных формантов, что едва ли целесообразно рассматривать как частные значения или оттенки общего значения сов. вида.

Значение внутреннего предела действия в Грамматике-70 представляет собой как бы модифицированную разновидность уже упомянутого значения предельности. Только здесь оно понимается более узко, т.е. применительно к некоторым группам глаголов сов. вида, входящих в видовые пары. „Наиболее абстрактным значением предела действия является значение внутреннего качественного предела, т.е. такой границы или „критической точки“, по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться: *делать* – *сделать*, *готовить* – *приготовить*, *переписывать* – *переписать*, *выздоровливать* – *выздороветь* и т.п.“¹⁹.

Таким образом, понятие внутреннего предела, внутренней исчерпанности действия тесно связано с предельными глаголами, которым противопоставляются неопредельные глаголы, выражающие не направленное к цели действие или состояние (ср.: *лежать*, *ходить*, *любить*, *иметь*). Как правильно отмечает Ю. С. Маслов, „предельность и неопредельность представляют собою наиболее высокую ступень абстракции в области способов действия“, которая „стоит уже как бы на пороге между лексической и грамматической абстракцией“²⁰.

Предельные и неопредельные глаголы в славянских языках, по мнению Ю. С. Маслова, оказывают большое влияние на категорию вида и видообразование. Наличие одновидовых глаголов во многих случаях зависит от предельности и неопредельности глагольного действия²¹. С другой стороны,

¹⁶ Грамматика-70, с. 337.

¹⁷ Там же, с. 346–349.

¹⁸ Там же, с. 246–247, 259, 264, 267 и др.

¹⁹ Там же, с. 337.

²⁰ Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках.) – В кн.: Славянская филология. Изд-во ЛГУ, с. 91; ср. Его же. Категория предельности/неопредельности глагольного действия в готском языке. – ВЯ, 1959, № 5, с. 75–76; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 29.

²¹ Маслов Ю. С. Заметки..., с. 88–94; „Неопредельные глаголы именно в силе неопредельности не могут быть представлены в совершенном виде“ (с. 91).

именно глаголы со значением действия или процесса, имеющего внутренний предел, сыграли важную роль в процессе грамматикализации некоторых глагольных приставок и тем самым в процессе становления и формирования категории вида в русском языке вообще. Как отмечает С. Д. Никифоров, уже ко второй половине XVI в. такие приставки, как *по-*, *у-*, *из-*, *с-*, *на-* и др., могли выражать чисто грамматическое значение сов. вида, если они присоединялись к основам указанного типа²² (напр.: *горети*, *резати*, *ставити*, *мостити*).

Все это убедительно показывает, что понятие „внутренний предел“ не может быть положено в основу общего значения сов. вида.

2. Ограничение действия пределом или целостность действия?

Представители другого направления при определении сущности видов исходят из того, что совершенный вид обозначает действие как неделимое целое (или целостность действия), а несовершенный вид в своей семантике этого значения не содержит²³. Эта точка зрения встречается в целом ряде монографий и статей²⁴, а также в некоторых учебных пособиях²⁵, но вряд ли можно согласиться с мнением И. Г. Милославского, считающего ее единственной в современной лингвистике: „В соответствии с теперь уже давней и единодушной традицией совершенный вид характеризуется номинативным (?) значением — указанием на целостность действия“²⁶ (разрядка наша — Э.Г.)

В связи с этим следует отметить, что в отдельных работах смысловое содержание видов определяется через понятия результативности и длительности действия. По мнению И. П. Мучника, „Признаки результативности и длительности процесса, являющиеся положительными признаками соответственно глаголов совершенного и глаголов несовершенного видов, представляют собой (...) соотносительные грамматические понятия, тесно связанные между собой, причем их связанность заключается в том, что они взаимно исключают друг друга. Результативность выступает на фоне отсутствия длительности, длительность — на фоне отсутствия результативности“ Таким образом, „глаголы совершенного вида обозначают действие результативное и неделимое, глаголы несовершенного вида обозначают действие длительное и нерезультативное“²⁷.

В отличие от других концепций, в теории автора оба члена видовой корреляции характеризуются положительно: они выступают „в качестве

²² Никифоров С. Д. Глагол, его категория и формы русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, с. 43—52.

²³ См. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола..., с. 303; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 31; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 11 и др.

²⁴ См. библиографию в указанных работах.

²⁵ См. Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972, с. 127.

²⁶ Милославский И. Г. О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака. — „Известия АН СССР. ОЛЯ“, 1975, № 4, с. 358.

²⁷ Мучник И. П. Указ. соч., с. 103—104; ср. Никитевич В. М. Указ. соч., с. 122, 124.

носителей различных видовых значений"²⁸. Несмотря на это, значение результативности не может быть признано общим значением сов. вида. Оно, видимо, не характерно для глаголов со значением начала действия, так как они обозначают действие, ограниченное начальным пределом, а не результат этого действия (ср.: *зашуметь*), а также для глаголов со значением „неполностью совершить действие“ (ср.: *недокормить, прикрыть*), „совершить действие в течение некоторого времени“ (ср.: *посидеть, поработать*). Следовательно, значение результативности – это лишь „частный случай предела действия“²⁹.

Таким образом, определение значения совершенного вида как целостности действия является лишь одной из наиболее распространенных концепций, но далеко не „единодушной“

По мнению сторонников этого направления, значение целостности действия охватывает все глаголы совершенного вида. Значение неделимой целостности действия понимается „как невозможность деления действия на отдельные фазы“³⁰. „В действии как целом начало, середина и конец не выделяется, здесь все фазы слиты воедино“³¹. Этим фактором и объясняется невозможность сочетания глаголов сов. вида с „фазовыми“ глаголами (типа *начать, кончить*). Глаголы несов. вида обладают значением процессности, поэтому „При рассмотрении действия как протекающего, развертывающегося процесса (...) говорящий застает середину этого процесса“³².

Глаголы, как совершенного, так и несовершенного видов, с точки зрения лексического значения очень разнообразны и неоднородны. Грамматическое значение сов. вида поэтому должно быть в наибольшей степени абстрактным, чтобы оно могло охватить все глаголы сов. вида (значение несов. вида, как уже отмечалось, положительно не характеризуется). Поиски лингвистов значения такого типа зачастую оказываются неудачными лишь по той причине, что в созданной ими теории имеется какой-то незначительный пробел, который, по-видимому, и приводит к смешению лексических и грамматических значений и т.п. Именно на такое нечеткое отделение грамматического значения сов. вида от значения предельности, характерного и для некоторых глаголов несов. вида, указывает А. В. Бондарко, анализируя модифицированное виноградовское определение. В данном случае автор ссылается на те же примеры (типа *Отчеты он всегда сдавал в срок; Княжине Веря писал*), которые использует при разборе других точек зрения, т.е. доказывая, что глаголы несов. вида могут употребляться со значением результативности и законченности действия³³. В свою очередь можно заметить, что автором здесь как бы смешиваются явления языка и речи. Глаголы *писать, сдавать*, как отражающие реальные процессы объективной дей-

²⁸ Мучник И. П. Указ. соч., с. 103.

²⁹ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 394.

³⁰ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 31.

³¹ Бондарко А. В. Указ. соч., с. 18.

³² Там же. Ср. также Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. Изд-во МГУ, 1968, с. 6.

³³ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 30–31.

твительности, по характеру протекания действия, безусловно, в структуре языка являются глаголами несов. вида. Другое дело — функционирование, употребление этих глаголов в речи, в определенном контексте³⁴. Следовательно, если отвлечься от особых случаев употребления видов, значение ограниченности действия пределом представляется именно таким абстрактным, общим значением глаголов сов. вида.

Может ли быть таковым значение неделимого целого, целостности действия? Думается, что некоторые лексико-грамматические группы (способы действия) глаголов сов. вида не в состоянии выражать все фазы — начало, середину, конец — действия воедино. Таковыми прежде всего являются глаголы начала действия (типа *зашуметь, подуть*), в действии, выражаемом которыми, третий компонент, видимо, только предполагается. Ср.: *Это неожиданно проснулась после многолетнего сна и заиграла шкатулка* (Пауст.); *и вон она (тройка) понеслась, понеслась, понеслась!*... (Гог.)

Видимо, довольно условно выражают целостность действия глаголы однократные (мгновенные)³⁵, а также глаголы, со значением действия, ограниченного временными пределами (типа *погулять*). Заметим также, что эта концепция в настоящее время как бы переоценивается даже сторонниками этого направления. Например, несколько критическое отношение к данной теории, а также творческий подход к решению спорного вопроса о значениях видов наблюдаются в работах одного из ведущих аспектологов А. В. Бондарко. По его мнению, „и это определение нельзя считать достаточным. Оно отражает лишь одну (хотя и очень важную) сторону видовой семантики...“, а „отвлеченное значение целостности действия оказывается слишком трудным для восприятия при конкретном анализе текста“³⁶. Поэтому автор пытается „определить семантическое содержание видов как совокупность их функциональных возможностей, как их семантический потенциал“³⁷. Несмотря на то, что при таком анализе учитывается не один, а целый ряд семантических признаков, а также сочетаемость видов с определенными словами в контексте, автор приходит к тому же выводу: постоянным, доминирующим признаком сов. вида „во всех случаях его функционирования“ является признак целостности, а „Другой стороной этой семантической черты является неспособность совершенного вида выражать действие в процессе его протекания“³⁸.

Кроме того, в данной работе как бы наблюдается тенденция к примирению этих двух концепций в определении значений видов³⁹. По мнению автора, „В целостности действия есть еще одна сторона: ограниченность

³⁴ См.: Там же, с. 59—61; Рассудова О. П. Указ соч. Однако особенности употребления видов авторы связывают с так называемыми частными значениями видов.

³⁵ Ср. замечание Мучника И. П.: „Мгновение“ ведь мыслится вне понятий о начале, середине и конце“ (Указ. соч., с. 101).

³⁶ Бондарко А. В. Указ. соч., с. 11.

³⁷ Там же; ср. с. 12—17.

³⁸ Там же, с. 17.

³⁹ См. сноску 3, где автор ссылается на определение Л. П. Размусена, в котором имеют оба понятия (там же, с. 18).

действия внутренним пределом“, так как „Действие, представленное в его целостности, тем самым ограничено внутренним пределом“⁴⁰. Отсюда следует, что ограничение действия пределом, на чем базируется определение значения сов. вида В. В. Виноградовым (здесь оно, как уже отмечалось, приводится в модифицированном виде), является лишь составной частью, семантическим признаком целостности действия.

Думается, что такой вывод является поспешным и трудно доказуемым. Понятие предела действия⁴¹, как уже указывалось, имеет более абстрактное и более широкое значение, чем понятие внутреннего предела и отчасти – целостности действия: действие, ограниченное пределом, не всегда может быть представлено как неделимое целое, ср.: *И дрогнул Сокол, и гордо крикнув, пошел к обрыву...* (Горьк.) или *Всю ночь простояли на якоре* (Пауст.). По этой причине оно не может быть семантическим признаком понятия с более узким значением. Таким образом, в настоящее время более убедительной и обоснованной является концепция В. В. Виноградова: определение, основанное на признаке ограниченности действия пределом, характеризует значение сов. вида как наиболее абстрактное, охватывающее все глаголы данного вида.

Интересной в этом отношении является мысль М. А. Шелякина, высказанная в связи с анализом сущности функционально-семантической категории аспектуальности. Общая и специфическая семантическая основа этой категории, по мнению автора, „выявляется при сравнении уже „признанных“ аспектуальных категорий: предельности/непредельности и вида и сводится к признаку ограниченности/неограниченности в появлении или осуществлении действия“⁴². Следовательно, признак ограниченности действия пределом получает иную интерпретацию, в связи с чем меняется и смысловой объем данного понятия. Это значение охватывает все аспектуальные категории – лексико-грамматическую категорию предельности/непредельности, вид с особым грамматическим значением „целостности/нецелостности“, способы действия и неглагольные лексические показатели характера действия.

Определение семантического содержания видов – вопрос теоретический. Однако неразрешенность его отрицательно сказывается на изучении видов в школе. Не случайно поэтому предлагается в некоторых статьях отказаться от сугубо строгого научного определения сущности видов глагола, а при разграничении глаголов по видам учитывать формы будущего времени (напр., *сделаю*, но *буду делать*)⁴³.

⁴⁰ Там же, с. 18.

⁴¹ Примечательно, что в данной работе оно интерпретируется и как особенности употребления: „В контексте эта ограниченность действия пределом проявляется как ограничение от предшествующего и последующего „фона“ – длительности или отсутствия всякого действия, в способности совершенного вида передавать наступление факта на этом фоне (...), в способности передавать „цепь“ сменяющих друг друга фактов“ ... (с. 18).

⁴² Шелякин М. А. Указ. соч., с. 10, 11–12.

⁴³ См. Попов Е. Н. Об изучении видов глагола в школе. – „Русский язык в школе“, 1975, № 2.

3. Значение глагольного вида — номинативное?

Во многих работах, вышедших в последнее время, как и в традиционной грамматике, вид рассматривается как грамматическая (морфологическая) категория⁴⁴, хотя в лингвистике существует и другая интерпретация данной категории⁴⁵. Поэтому несколько странным и неожиданным является утверждение, что „Большинство современных лингвистов склоняется к пониманию вида как словообразовательного, однако существует прочная традиция рассматривать вид в морфологии — учении о словоизменении, а не в словообразовании“⁴⁶.

В современной аспектологии, напротив, наблюдается тенденция к более четкому разграничению лексических и грамматических значений в глагольной лексеме, к более глубокому изучению способов глагольного действия. Поэтому в силу своей сложности категория вида уже не может рассматриваться только в разделе морфологии. Категория вида, как метко и образно выразился акад. В. В. Виноградов, „является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений. В грамматике укрепляется тенденция соединять глагольные образования от одной и той же основы в соотносительные (коррелятивные) видовые пары. Между тем в лексике обнаруживается тенденция к производству от одной и той же основы множества разных глаголов, выражающих разные действия или разные оттенки какого-нибудь действия“⁴⁷. Эта борьба и взаимодействие учитываются аспектологами и в настоящее время. Грамматические явления (значения видов, видообразование и т. п.) рассматриваются в морфологии, образование глаголов с разными лексическими значениями (оттенками) при помощи приставок и суффиксов (способы действия) — в словообразовании. Однако способы действия, как семантические группировки глаголов, выделяемые по деривационному значению словообразовательного форманта, анализируются и в разделе морфологии, так как некоторые из них, в зависимости от характера протекания действия, относятся к совершенному, а другие — к несовершенному виду (ср.: посидеть, отлупить, закричать, крикнуть; побаловать, приплясывать, переругиваться и т. п.).

Кроме других морфологических признаков, глаголы сов. вида отличаются от глаголов несов. вида общим видовым значением, отражающим именно характер протекания действия. Общие значения видов, как наиболее абстрактные, отвлеченные, обычно называются грамматическими. Таковыми они являются еще и потому, что сама категория вида тоже является грамматической категорией.

Однако в уже упомянутой статье И. Г. Милославского значения видов рассматриваются как номинативные: „...совершенный вид характеризуется номинативным значением — указанием на целостность действия. Несовершенный вид характеризуется только отсутствием такого номинативного

⁴⁴ См. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 46–49; Бондарко А. В. Указ. соч., с. 3–4; Грамматика-70, с. 337 и др.

⁴⁵ В статье этот вопрос не анализируется.

⁴⁶ Милославский И. Г. Свойства русских флексий. — „Русский язык в школе“, 1975, № 3, с. 66.

⁴⁷ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 395.

значения⁴⁸ (разрядка наша — Э. Г.). Недоумение вызывает и то, что номинативное значение автор обнаруживает и у отдельных морфем. Видимо, здесь автор выражает свое особое мнение и по-своему, без всякого пояснения, употребляет некоторые термины.

Прежде всего, номинативное значение, как „Основное, прямое значение слова, которое непосредственно направлено на предметы, явления, действия и качества действительности“⁴⁹, не может указывать, — оно выражает что-то. С другой стороны, значение вида, думается, может войти в довольно широкое понятие „номинативные свойства“ (которые и рассматриваются в соотношении с синтагматическими в упомянутой статье) как значимый компонент слова (языкового знака) вообще. Но едва ли целесообразно интерпретировать его как номинативное: значение вида, в противоположность номинативному, индивидуальному значению, свойственно целому разряду глаголов и поэтому является абстрактным, грамматическим.

Примечательно, что в статье значение вида понимается и как номинативный элемент значения. Ср.: „Итак, при сложении некоторых номинативных элементов значения, в частности вида...“; „Рассмотрим такой пример: *Он такой: скажет что-нибудь смешное и уйдет. Скажет* содержит следующие номинативные элементы значения: 1) действие в будущем; 2) целостность действия (сов. вид); 3) говорение как конкретное значение действия. При сложении всех этих номинативных значений...“⁵⁰ (разрядка наша — Э. Г.). Отсюда следует, что „номинативный элемент значения“ употребляется автором как синоним термина „номинативное значение“ Таким образом, грамматическое значение вида, времени, как и значение лексико-семантической группы глаголов — говорение, по мнению автора, являются номинативными.

Произвольное употребление общепринятых терминов, своеобразная интерпретация некоторых сторон категории вида, конечно, не способствуют решению данной проблемы. Имея в виду сказанное, хочется продолжить мысль автора: „Думается, что прогресс в изучении категории вида русских глаголов невозможен до тех пор, пока такое смешение номинативных и синтагматических свойств будет продолжаться“⁵¹.

Таким образом, несмотря на то, что в последнее время выдвигались разные теории; вопрос о смысле содержания категории видов до сих пор остается дискуссионным. Поэтому справедливым является замечание М. А. Шелякина, что „было бы преждевременным считать, что какая-то теория вида более или менее приблизилась к окончательному оформлению и общему признанию“⁵². Кроме того, наряду с тенденцией к более глубокому изучению видов и вопросов, тесно связанных с ними, как и прежде, наблюдаются случаи нечеткого разграничения лексических значений с грамматическими значениями видов, смешения вида и способов действия.

⁴⁸ Милославский И. Г. О соотношении..., с. 358 и далее.

⁴⁹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 162.

⁵⁰ Милославский И. Г. Указ. соч., с. 360.

⁵¹ Там же. Указ. соч., с. 358. Ср. анализ этих явлений в несколько другом аспекте: Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. — ВЯ, 1975, № 6.

⁵² Шелякин М. А. Указ. соч., с. 13.

ON THE MEANING OF ASPECTS IN RUSSIAN
E. GALNAITYTĖ

Summary

In present-day Russian linguistics there exist different interpretations of the semantics of aspects. The meaning of the perfective aspect is understood either as the limitation of an action (V. Vinogradov a. o.) or as its completion (J. Maslov a. o.).

The present paper points out that in some cases V. Vinogradov's concept is modified by substituting the term "inner limitation" for "limitation". The former term is notionally narrower than the latter. Besides, the term "inner limitation" is associated with the lexico-grammatical category of terminativeness/non-terminativeness.

The author of the present paper considers the theory of V. Vinogradov to be better motivated and more convincing. Attention is drawn to the fact that the meaning of aspect, i. e. the limitation of an action, is in its very nature grammatical and not nominative as some linguists tend to think.